

18+

Григорий Саркисов

ФЕЙСБУКОВКИ, ИЛИ КАРТИНКИ С КАРАНТИНКИ

Наблюдалки и размышлялки

Григорий Саркисов

**Фейсбуковки, или
Картинки с карантинки.
Наблюдалки и размышлялки**

«Издательские решения»

Саркисов Г.

Фейсбуковки, или Картинки с карантинки. Наблюдалки
и размышлялки / Г. Саркисов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512977-2

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Эта
книга появилась во время коронавирусного психоза, когда весь мир
карантинил и самоизолировался. Автор — не исключение. И как-то
сами собой получились стихи, потом сами собой получились масенькие-
премасенькие афоризмочки, потом еще что-то получилось. Мне помогали
мои соавторы — йорики Амурчик и Тимка. Конечно, я хотел, чтобы читателю
было весело. А ещё я хотел, чтобы читателю было интересно. Как получилось
— судить моим дорогим читателям. А я отхожу в сторонку, чтобы не мешать.

ISBN 978-5-00-512977-2

© Саркисов Г.
© Издательские решения

Содержание

ФЕЙСБУКОВКИ или КАРТИНКИ С КАРАНТИНКИ	6
ПЕРЕСМЕШКИ	9
УШЕДШИМ	12
ПРИВЕТЫ ИГОРЮ ГУБЕРМАНУ	13
РАЗНОЕ О РАЗНОМ	14
СТИШАТА С НАЗВАНИЯМИ	15
ГриШутки или КАРАНТИННО-САМОИЗОЛЯЦИОННОЕ	19
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Фейсбуковки, или Картинки с карантинки Наблюдалки и размышлялки

Григорий Саркисов

Собачки Амурчик и Тимка Амурчик – Тимка Григорьевичи Сокольниковские

© Григорий Саркисов, 2020

ISBN 978-5-0051-2977-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ФЕЙСБУКОВКИ или КАРТИНКИ С КАРАНТИНКИ

Коронавирусная напасть и забота московской мэрии о моем здоровье дали массу свободного времени. А когда свободного времени слишком много, человек вздыхает, садится за компьютер – и погружается в волшебный мир Фейсбука, Инстаграмма, Гугла, Одноклассников и прочих достижений цивилизации. Вот так незаметно, за пару месяцев самоизоляционного домоседства и фейсбукóвского добрососедства, у меня не только выросла борода, но и набралось изрядное количество карантинных «гришуток», «мыслей-мюслей» и просто размышлялок. Я их так и назвал – «карантинки». Признаюсь: мне помогал писать их маленький йорик Амурчик: во время работы он спал у меня на руках, пока его друг, тоже йорик, но Тимка, дрых на диване. Так я наловчился печатать на компьютере одной рукой. Амурчику и Тимке, как соавторам, – особая благодарность и низкий поклон, без них бы я, конечно, не справился

Плотник

По пыльной дороге бреду потихоньку
Истерты в кровь ноги, и тоща котомка,
Ташу по проселкам уставшее тело
Куда и откуда – какое вам дело?
Несу я не золото, не снасти для лова,
Несу – только мысли, несу только Слово.
И имя мое ни о чем вам не скажет,
Судьбу мою имя никак не предскажет.
Что ж в имени толку на свете на этом?
Я – плотник. Иисус. Из Назарета.

Случай на Патриарших

Во время карантина в Москве на Патриарших прудах полиция задержала гражданина по имени Иисус, гулявшего с собакой на расстоянии более ста метров от дома.

В Москве на Патриарших
Поймали Иисуса,
Он там гулял с собакой,
И явно нарушал.
Гоняться за Иисусом,
Конечно, дело вкуса,
Но, говорят, Иуда
В полицию звонил.
И долго-долго-долго
Опрашивал Иисуса
Терзаемый мигренью
Районный прокурор,
А после чисто-чисто
Согласно новой моде,
Он руки мыл, используя
Водочный раствор...
История с Иисусом,
Конечно, презабавная,

Но что-то там знакомое
Проглядывает в ней,
И что-то очень нужное,
А может быть, и главное,
Даст опыт героических
И незабвенных дней.

Плато

Вот-вот, говорят, будет «плато»,
И вирус уйдет в Никуда...
Не слишком ль высокая плата
За наши грехи, господа?

Наверное, мы и гршили,
И жили мы как-то не так,
Но где-то же все же решили
Устроить нам этот бардак?

Теперь—то мы стали умнее,
Клянемся по-новому жить!
Мы будем ходить на работу!
«Налево» не будем ходить!

Мы завтра же врать перестанем,
И ближнего будем любить,
А главное – истово станем
Мы спиртом конечности мыть!

И пусть нам пеняют Оттуда:
Мол, люди неправдой грешат,
Но верим в великое чудо:
Гулять без собак разрешат!

Туман

Словесный напустив туман,
Спеша от мысли к мысли,
Слагает вирши графоман
Без логики и смысла.
И вот, бездарны и лихи,
Пошли гулять по свету
Как-будто вроде бы стихи
Как вроде бы поэта...

Не надо

Не надо спорить с дураком.
Ни цифрами, ни кулаком

Ты не докажешь ничего,
И проще плюнуть на него.
Не надо спорить с дураком.

Про кошек

Весна пришла. Запели птички.
Спят букашки в мураву.
А кошка Мурка, истеричка,
Зовёт кота на randevu.
И кот поет ей серенады.
Орет как резаный, вестимо.
Молчи, мурлыка! Думать надо!
Любовь и карантин – несовместимы!

ПЕРЕСМЕШКИ

Моча в росе

*Остановите время, я сойду
На станции, уставший и помятый.
Вы спросите: в каком году?
Конечно же, в родных семидесятых.
...И по росе из прошлого пройду,
Моча в росе свои морщинистые ноги...
Александр ХАСАНОВ*

Моча в росе. И поезд опоздал.
Покрылись рожью спички и дороги,
БАМ, Брежнев, Сахаров, и Тур наш Хейердал, —
По всем прошли мои морщинистые ноги!
Пусть я теперь уставший и помятый,
Но только отмените Интернет,
Меня верните в год семидесятый,
Где в бочках квас, а кока-колы – нет!
В семидесятом приснопамятном году
Не знали мы дурацких технологий.
Остановите время! Я сойду,
Моча в росе морщинистые ноги...

Кровь, любовь и прыть

*Я себя прощаю,
Как же не простить?
Пусть и проявляю
Редкостную прыть...
Всё идёт на пользу,
Завтра в бой опять,
Вновь приму я «позу»,
Чтобы воевать...
Я себя прощаю,
Чтобы дальше жить,
Да... я вот-такая
И не изменить...
Циля ВАЙНЕР*

Я себя прощаю!
Как же не простить,
Если обещаю
Редкостную прыть?

Мне в стихах привольно,
Стих волнует кровь,
И двух слов довольно:
Лишь бы – про любовь!

Если «слёзы» -«грёзы»
Верно сочетать,
Можно про берёзы
Что-то написать,

Если, скажем, надо
Описать лицо,
В строчку славно влезет
Хлёсткое – «яйцо»!

Если же иное
Мне волнует кровь, —
Я опять не ною,
Напишу: «Свекровь»!..

Всё идет на пользу,
Всё – в копилку мне!
Я – в красивой позе,
На гнедом коне!

Пусть увяли розы,
Что там горевать!
Выйду, встану в позу —
Буду воевать!

Всё себе прощаю,
Стих могу сложить!
Да, я вот такая:
Надо ж как-то жить!..

День, который плохо начат

*День, который плохо начат,
Не брани, тоскливо ноя,
Потому что и удача
Утром стонет с перепоя
Игорь ГУБЕРМАН*

Днем удача тоже спит,
И до вечера продрыхнет.
Вечер. Жажда. Надо пить,
А не то желудок вспыхнет.
Ночь прошла. Уже рассвет.

Безобразие какое!
А удачи нет как нет.
Спит, зараза, с перепоя...

Есть женщины сезонного шитья...

*Есть женщины осеннего шитья,
Они, пройдя свой жизненный экватор,
В постели то слезливы, как дитя,
То яростны, как римский гладиатор.
Игорь ГУБЕРМАН*

Есть женщины весеннего шитья,
Прохладнее, чем летом радиаторы.
Они в постели, – как ленивая кутя,
Шустры, как неживые гладиаторы.

Эхо харрасмента

*Как-то Алексея Венедиктова, главного редактора «Эха Москвы», обвинила в харрас-
сменте некая дама, с которой его угораздило ехать в одной машине. Мой друг, журналист,
писатель и разведчик Михаил Любимов написал по этому поводу:*

И всё случилось потому,
Что проявил он слабину,
А надо было бы дожать,
Антилигент, ядрена мать!

А я написал:

Интеллигента губит слабость
К правам, словам и прочей ерунде,
Что остро чувствуют все бабы,
Подверженные харрасменту при езде,
На будущее, Леша, не теряйся,
Хватай за ляжки дуру, и за грудь!
Ни на секунду с ней не расслабляйся,
Ну, и о харрасменте – не забудь!

УШЕДШИМ

Увы, в карантинные месяцы случилось немало печальных событий. Два события меня потрясли особенно, – это смерть писателей Эдуарда Лимонова и Александра Кабакова. Кабакова читал и уважал давно, еще со студенческой скамьи. Это в высшей степени талантливый писатель и благородный человек, оказавшийся одним из последних донкихотов—шестидесятников. Таких людей больше не делают, и печально, что они уходят, унося с собой настроение и аромат того оттепелного времени, оказавшегося только преддверием новых заморозков, – слава Богу, до лютых морозов тогда дело не дошло, уж очень дряхлы и изнеженны были «замораживающие» к тому времени, но было холодно. Уход Кабакова – несомненно, огромная потеря для русской литературы и общественной мысли. А вот Лимонова я открыл для себя сравнительно недавно, в конце девяностых, – до этого смущала его р-р-революционная пассионарность, и какая-то дьявольская внешняя, а может, и внутренняя схожесть с Лейбой Давидовичем Бронштейном, за свирепость прозванным Троцким. Но когда я начал читать Лимонова-писателя – и не только «Это я, Эдичка», конечно, а куда более зрелые вещи, – я увидел очень тонко чувствующего, думающего человека с ранимой душой. И его уход, – тоже потеря для особенно многострадальной в последнее время русской литературы. Жалко.

Эдуарду Лимонову

Лимонов умер. Умер Эдичка.
Последний партизан и хулиган.
И время было для него – лишь времечком,
И сам он был не ветер – ураган!
Бунтарь, главарь, философ и поэт,
Он не любил тупых ослов при власти,
И мог во Тьме легко увидеть Свет,
И сердца не жалел, и ярости, и страсти.
Теперь окончен бал. И тенью
Уходит в Вечность, чтоб
Бессмертным стать, —
Лимонов. Эдичка.
А быть может, просто гений.
И может быть, теперь его нам будет
Не хватать...

Александру Кабакову

Уходит тихо поколение,
Оттепели дети покидают нас,
Оставляя нам стихотворения,
Книги, песни, оптимизм и джаз...

ПРИВЕТЫ ИГОРЮ ГУБЕРМАНУ

Я Губермана уважаю за умение
Вложить в четыре строчки мыслей Эверест,
За неуспешное с годами вдохновенье,
И неуемное желание – слиха! – нести свой крест...

Он не сложен, не спесив,
А стихи его – малой длины.
И, блинами портвейн закусив,
Он шедевры печет – как блины.

У многих нынче юмор – талисман,
В крови, как крэк в тщедушном теле наркомана,
И в наши дни давно вошел гарикоман,
Подсевший плотно на стихи И. Губермана.

Четыре строчки Губермана
Иного содержательней романа,
И жалят глупость гарики-комарики,
Ах, Боже! Что за чудо эти гарики!

РАЗНОЕ О РАЗНОМ

Николаю Гумилёву

Человек ума и чести,
Он стихи творить родился,
Без притворства и без лести
Перед Зверем не склонился.

Габриэлю Гарсия Маркесу

Он так писал, как человек обычный дышит,
Читали-почитали мы его,
Но вот опять – полковнику никто не пишет,
И дольше века длится одинокий век его...

Александрю Гордону

Собой хорош, зело приятен,
Читал и Маркса, и Прудона,
Ты поищи еще, приятель,
Такого редкого Гордона!

Михаилу Булгакову

Проходит всё. В пустыне ветер воет,
И жизнь за строчками неровными забыта,
Пилат все тем же мылом руки моет,
Все так же на метле летает Маргарита...

СТИШАТА С НАЗВАНИЯМИ

В Польше запретили исполнять песню «Темная ночь»

Ей тёмная застряла в горле ночь,
Такая уж она, варшавская натура,
Панов гонористых заносчивая дочь,
Историей обиженная дура...

Из цикла «Кура – дура»

Прядет Природа пальцами,
Но пряжа порой с огрешком:
Курица бежит с яйцами,
А петух за ней – с гребешком.

Взяв в дорогу курицу и супчик,
Не забудь терпением запастись,
Попадется въедливый попутчик, —
Быстро не получится спастись!

Кстати, о птичках

В небе синем птичка белая
О судьбе своей горько плакала,
Вирази над городом делая,
Монумент Человеку обкакала.
Монумент был Вождю Великому,
В ком таилась жестокая сила,
Даже птичка, создание дикое,
Очень точно его оценила.

Хандроническое

Мы все умрём, не дочитав чего-то,
Не догуляв, и не допив, и не доев,
Когда добьёмся мы вниманья от Кого-то,
Кому-то Этому до жутких колик надоев,
Тогда Он превратит нас в то, что было, —
А не было, заметим, ничего, —
Чтоб нас планета бедная навек забыла,
В себя вместив нас – всех до одного...

Как здорово...

Как здорово быть наглым подлецом
И виртуозом точного расчета,
С холодными глазами и лицом,

Висеть достойным на Доске Почёта.

Пастух

Когда людей ведут, как дрессированных макак,
Суля толпе свободу и кусок банана,
Я понимаю, что без Пастуха – никак,
Но странно видеть в роли Пастуха – барана...

Из цикла «Такие-сякие»

Всю жизнь мы боремся с Судьбою,
И изменений в биографиях не счесть,
Но что бы мы ни делали с собою,
Останемся такими, как мы есть.

Придире-зидире

Чужие мысли прочитает,
И морщится, как важный князь,
И о приличьях причитает.
Свинья во всём отыщет грязь.

Из цикла «От лошади слышу!»

Пишу я бред кобылы сивой,
И все не так, и не по мне,
А лошадь встряхивает гривой,
Мечтает, дура, о коне...

Из цикла «Перепёртое»

Если буря мглою небо —
Спрячься, с небом не шутя!
Кто под бурей в поле не был,
Тот не какал, как дитя.

Из цикла «Все побежали – и я побежал»

В тиши просторов заповедных
Мы к счастью общему бежим,
Покинув кров, Отчизны бедной
Нарушив паспортный режим.

Из цикла «Открытия перед закрытием»

В белом и пушистом тайны кроются,
И сюрпризы разные являются:
То блоха в пушинке белой вскроется,

То на белом пятна крови проявляются.

Из цикла «Не плюй в начальство, паразит!»

Сижу на карантине, как Путин завещал,
Который в телевизоре нам Рай пообещал.
А я жую сосиску с горчицей через край,
И радуюсь, что близко обещанный нам Рай.

Хочется гулять и веселиться
Там, где веселятся и гуляют,
Но серьезные начальственные лица
Нам уже и это запрещают...

Суд Революции красиво начинается
Над сворой псов и прочих палачей,
Но почему-то всё всегда кончается
Безумными глазами Ильичей...

История, известно, тетка злая:
Не сядь Ильич в закрытый немцами вагон,
Не превратилась бы страна большая
В один закрытый и большой загон.

Я видел немало сановных особ,
Что были собою довольны,
У каждого был твердокаменный лоб,
И зад – железобетонный.

Давно живя в подлунном мире,
Не уяснил я досконально,
Причину, по которой все кумиры
Так странно-упоительно банальны.

Метаться поздно. На экране —
Картинки страшненькие в ряд.
Метаться надо было рано.
Не тех мы выбрали ребят...

Нет ничего важнее Начальственного Тела,
О Нем мы с трепетом душевным судим.
Увы, до нас Ему нет никакого дела.
Но это хорошо. Целее будем.

Как хорошо Начальником трудиться!
Бюджету можешь делать вивисекцию,
А можешь – закрывать инфекционные больницы,
Чтобы потом встать во главе борьбы с инфекцией!

Иной начальник бурным стартом поражает,
Потом – друзья, любовница, семья...
На финише о старте напрочь забывает.
Начнет, как Бог. Закончит – как свинья.

Когда Начальники на лимузинах рассекали,
Они, казалось, держат жизнь за хвост,
Но вирус показал во всех деталях,
Что в лимузине может ездить и прохвост,
Испуганный болван, царек несмелый,
Насмешка глупая самой природы власти,
Чинуша хитрый, интриган умелый,
Перепугался вирусовой пасти,
А, испугавшись, выпускает повеленья:
То пропуска введет малопонятные,
То штрафами обложит население,
То мямлит разъяснения непонятные...
Ну что ж, Начальник сделал то, что сделал,
И Бог с людьми, и что базар, что рынок,
Ведь главное – он уже давно проделал
Для свежих орденов немало свежих дырок!

Не напрягайся понапрасну,
Начальство, брат, не небо ясное,
Дружить с начальником опасно,
А не дружить – ещё опаснее.

Дом на выгуле

Во время карантина московские власти придумали «График прогулок домов» с кучей нюансов. Например, живущие не по месту регистрации, обязаны были гулять по месту регистрации, а дом, пойманный в день прогулки другого дома – штрафовался...

Мой дом гулял сегодня в парке!
По графику гулял, не просто так!
Теперь смеются звери в зоопарке:
Мы переплюнули по глупости макак!

ГриШутки или КАРАНТИННО-САМОИЗОЛЯЦИОННОЕ

Жираф задрал к пустому небу хобот,
Взасос поцеловал тапира робот.
Хияхлик хилый хороводом ходит...
Вот что на карантине в голову приходит.

В минуты тихие печали
Мы вспоминаем тех, кто далеко,
Кого не поняли, и не обняли,
И с кем расстались глупо и легко...

Я Хендрикса люблю импровизации,
Когда гитара оживает вдохновением,
И посылает к черту муть цивилизации,
В которой нет ни взлетов, ни падений...

Герой – не тот, кто бьет врага во дни войны,
Не тот, кто рубит-колет в рукопашной,
Герой – кто не боится тишины,
И одиночество кому не страшно.

Встречаясь с дурой или с коброю,
Я не могу ее ударить шваброю:
То ли у меня сердце доброе,
То ли у меня нервы слабые...

Летит времен неутомимый бег,
Но не забудешь, даже если сильно захотеть:
Шаг в сторону – считается побег,
Прыжок – считается попыткой улететь.

От слов Мудреца спирает в зобу.
Еще бы! Вот она – Истина!
Но бывает и так, что семь пядей во лбу —
Это всего лишь – лысина...

Весьма забавную картину
Увидим после карантина:
Когда мы с карантина слезем,
И в дверь квартиры не пролезем.

Когда тебе не мил весь свет,
Ты вспомни поле, море, речку,
А если толку от воспоминаний нет,

Порадуйся, что ты запасся гречкой!

Благою весть Природы донесу:
Весна пришла, и мир опять зелено-синий,
И май – о, радость! – на носу,
Который, к сожалению, в карантине...

Люблю веселья шум, и пляски удалые.
Но больше благодарен я Судьбе,
Когда уходят в тишину бураны злые,
И кто-то грустную мелодию выводит на трубе.

В молодые времена мы шустрые ребята,
Что время нам! Мы время обойдем!
А время все бежит, летит куда-то,
И мы бежим, Но устаем. И – отстаем..

Люблю медузы яркие наряды,
Она прекрасна – что там Навсикая! —
Пока парализующим разрядом
Не стреканет уродина морская.

Вот только сядешь выпить-закусить, —
К тебе с делами разными бросаются:
То надо бегать от инфаркта, то тусить...
Вот так и бегаешь. А водка – выдыхается...

Не грусти, если мрак и разлука,
Пусть вокруг и обман на обмане,
Все же жизнь – интересная штука,
Да и ты ведь – не ежик в тумане...

На улице чисто, нет ни соринки:
Сорят в квартирах свиньи и свинки,
И прочая дома сорит скотина...
Есть все-таки польза от карантина!

Я с дамами не спору:
Слова о даму гнутся.
К чему плевать в море?
Приятней – окунуться.

Слова красивые и выраженья сильные
Не тратьте зря, а лучше – промолчите,
И бисер не мечите перед свиньями,
Тем более, перед ослами – не мечите.

Скрипя мозгами над тетрадкой,
Он водку попивал украдкой,

И даром Божьим обделенный,
Подножку ставил змий зеленый

Получив кирпичом по темени,
У меня аж дыханье сперло...
Обстоятельства места и времени
Не важны, если рифма попёрла.

Московское хокку №1

В трусах, лохматый и небритый,
Смотрю в окно. Самурай
Кого-то радостно штрафует. Попался, бедолага.

Московское хокку №2

Весенний дождь орошает сакуру.
Крестьянин в противогазе торжествует:
Самураи привезли черемуху.

Проходят годы и века,
Но мы все так же вопрошаем:
Нам Бог дает пожить пока,
Или назло Ему мы выживаем?

Жизнь – междовремение такое,
Что всякий тут свое находит.
Но в жизни самое плохое —
Она, увы, всегда проходит.

Есть знание, есть и вера,
И поводов много для гордости.
У каждого есть своя мера
Благородства, вины и подлости.

Когда героя в шар земной зароят,
Оплакивать героя не спеши.
Душа бессмертна, и бессмертен дух героев,
А героизм – только химия души.

Не знали Кох и Склифосовский
Успеха верного секрета,
Их научил бы Кашпировский
Лечить больных – по Интернету.

В круговерти сильных впечатлений,
Шумных посиделок посреди,
Не забудь о серой скуке тленья,
И унылой яме впереди.

Вертя Судьбу свою, мой друг,

Ты делал все, что душенька хотела,
Но пробил час, замкнулся жизни круг,
И понял ты – Судьба тобой вертела...

Бредя по жизненной дороге,
Считая плюсы и изъяны,
Открыл я, что произошли-то мы от Бога,
Но Он лепил нас явно – с Обезьяны.

Я власти не даю советы,
Она и так сама с усами.
Но, может, нам надеть браслеты?
Ну, чтоб не бегали? Мы их наденем сами!

Пусть ветер волосы уложит,
А маникюр – маляр наложит.
О, эти муки карантина!
Коронавирус! Ты – скотина!

Думаешь, Судьбою правишь?
Восторгаться не спеши,
Ничего ты не исправишь, —
Ни осанки, ни души.

Пролетая над гнездом кукушки,
Обнаружил странную закономерность:
От уколов сильно мерзнут ушки,
А крылья – обретают соразмерность.

Был бы я силен, как слон,
И умен, как Вассерман,
Свой себе создал бы клон,
Чтоб пахал на мой карман.

Неохота вставать с постели,
И смотреть в окно – неохота,
Отсидев карантина недели,
Нам – о, ужас! – идти на работу...

Знавал я женщин идеальных,
Красивый, мудрых, как Бен Гур,
При том умевших гениально
Изображать набитых дур.

Если долго вы женаты,
Нервы – лучший инструмент:
Чуть жена тебе – сонаты,
Ты жене – дивертисмент!

Когда тебе не мил весь свет,
Ты вспомни поле, море, речку.
А если толку от природы нет,
Порадуйся, что ты запаса гречкой!

Пришел гуля на стары пля,
Гляжу, а пля – не тот!
Купать на пля не надо для
Утопленников от.

Закат плюется в небо красным,
Зачахла бледная свеча,
И стало ясное – неясным,
Как почерк старого врача.

Когда мне скажет судия мой строгий:
– Горшки же обжигают боги!
Стыд краской заливает даже ноги!
Куда ж нам до горшков, и сирым, и убогим...

Такое есть характера строение:
Из подворотни лаять просто так.
С утра потявкает, себе поднимет настроение,
И горд, что тьякнуть смог, дурак.

Нам жизнь большую радость подарила!
Смотри и радуйся, дыши едва-едва!
На детском «Голосе» провально победила
Поющая Бензоколонка номер два.

Не притворяйся, на себе не рви рубаху,
Когда не можешь скорбь сыграть – не лезь на стенку!
Иначе уподобишься бездарному Малахову
В эфире передачи «Смерть Доренко»...

Жизнь – миг меж Ничего и Ничего,
Мы – только рыбки в маленьком садке.
Кричим – свободны! И смешим того,
Кто цепко держит нас на поводке.

Думаешь, судьбою правишь?
Восторгаться не спеши.
Ничего ты не исправишь:
Ни осанки, ни души.

Сидит зоил, – ума палата,
Враг плагиата и разврата,
Таких зоилов и не счесть
В ума палате номер шесть.

Проснулся. Встал. Одежды – мизер,
Свежезалатанные плавки.
Включай скорее телевизор!
Уже идет «В гостях у Кафки»!

Я уважал муравья и букашку,
И душу с рубашкой носил нараспашку.
Да что там душа, и что там рубашка!
Я и трусы носил – нараспашку!

Дурак всегда орет победно.
Дурак – особое Создателя творение.
Не спорьте с дураками, это вредно —
И для ума, и для пищеварения.

Лениво в Сети ругаясь,
В халатах и тапочках, дома,
Каждый сможет, не напрягаясь,
Накропать два матерных тома.

Наблюдая в окно непогодину,
Я мыслищу сумел поймать:
Люди, любите мать вашу Родину!
Любите Родину, вашу мать!

Идя по жизни в ритме марша,
Смотри на Время веселей,
И становись не только старше,
Но, по возможности, – мудрей.

Огонь благодатный не обжигает,
Огонь благодарные души сближает,
И Свет у святого возникнет порога,
Чтоб шли мы не к черту, а все-таки – к Богу.

Облекая мысли в рифмы,
Не забудь о смысле и о ритме,
Пусть лицом серьезен ты и важен,
Но без мысли рифмы – просто лажа.

По ходу жизни замечаем,
Что жизнь подобна коммунизму —
Молчим, или права качаем —
А все свои получают клизму.

Блюстителю веры строгих правил,
Он точно ведал, что – грешно,
И Папу Римского поправил,

Но вышло – глупо и смешно.

В последний пусть ты что с собой возьмешь?

Не денег пуд, не золотую брошь,

Не ордена, не премии признания.

Душа берет с собой – воспоминания.

Дни летят, а волос – отрастает.

Но гляжу – подстрижен ты и он.

Граждане! Смертельно обрастаю!

Подскажите, – где работает салон?

Пусть меня за глупость отругают,

Но кто-то же придумал пандемию!

И страшат, и штрафуют, и пугают!

О, каррамба! Доннерветтер!! Мамма миа!!!

Нам воду подарила Мать-Природа,

И мясо – чтоб мы не были худы.

Вот почему избранники народа

Мясисты, а в речах – полны воды.

Гои были на Руси.

Говорили ж – гой, еси!

Или все же – гей, еси?

Ой ты, Господи, спаси!

Беги отчаянно и прытко

От скуки, дури и безверия.

Попытка все-таки не пытка,

Как говорит товарищ Берия.

В этой жизни много поворотов,

Ярких дней, и сереньких дождей,

И прекраснотушных идиотов,

Верящих в порядочность Вождей.

В поисках идей и вдохновения,

Надрывая от стараний пуп,

Мы приходим к супероткровению:

Человек беспомощен и глуп.

В пучину моря погрузившись,

Я понял истину одну:

Что с водолазом подружившись,

Приятнее идти ко дну.

Я мастеров немало знаю,

Со многими умельцами знаком.

Один молчит, но в деле понимает,
Другой молотит большей частью – языком.

Жизнь – междовремение такое,
Что всякий в нем свое находит,
Но в жизни самое плохое —
Она, увы, всегда проходит.

Как много их, зоилов грозных,
Готовых в нас вонзить стилет,
И рассуждающих серьезно,
О чем дурачился поэт...

Стихи без слов ненормативных
Порой напоминают нам сырое тесто,
Но мат – не сленг дебилов примитивных, —
Всегда быть должен и дозирован, и к месту.

Меня не раз сводила жизнь с девицами,
Умевшими прикидываться дурами.
Они казались полными тупицами,
Оказывались – мудрыми натурами.

Мы одни в подлунном мире —
Человек, народ и племя,
Все мы – лишь мишени в тире,
Где нас выцеливает Время...

Как сегодня привольно дышать!
Нам дозволено все что угодно!
А с дерьмом конкурента смешать —
И престижно, и круто, и модно.

По жизни бегая вприпрыжку,
Хотим мы вечного горенья.
Но получаем лишь одышку,
И гарантированное тленье.

Ночь скучна, как колбаса,
Или хвост селедки.
Звезды светят в небесах...
Выпить, что ли, водки?

В столицах и заштатных городишках
Благая наступила тишина.
Возможно, Бог и вспомнит о людишках,
Но важно, чтоб не вспомнил Сатана.

Как хочется хотя бы раз

Почувствовать себя героем,
Но героического в нас —
Лишь битва жопы с геморроем...

Туалетной бумаги и гречки
В магазинах полно. Обидно!
А для шопинга свежего повода
Пока, к сожалению, не видно...

Без человека мир уже не будет миром,
Но человек сильнее вирусов родится.
Быть может, стоит поменять кумиров,
А лучше – вовсе без кумиров обходиться.

Пусть многие коронавирусу не рады,
И вирус мир на панику настроил,
Но все же отменил он гей-парады,
А это, люди, дорогого стоит!

Решая большие задачи,
Мы сходим порой с ума.
Но удача на то и удача,
Что приходит всегда сама.

Небеса припорошены пылью
Для того, кто летать не мечтает.
Тем, кто долго бескрылыми были,
И курятника крыши хватает.

Воробышек замерзший спасся,
Когда его обкакала корова,
Благодаря вонючей массе
Порой мы живы и здоровы...

Я всякое видел и вижу,
Как все – и терял, и искал,
Но больше всего ненавижу
Бездарности наглый оскал.

Нам друга лучше, чем мы сами,
Не найти,
Мы ближе всех к себе,
Как ни крути.

Должно быть, Богу все известно:
Куда, откуда, почему.
Но Он молчит. И интересно —
Неинтересны мы Ему?

Все замерли стороны света,
Тревожны о вирусе сводки.
Накаркала девочка Грета.
Сбылась мечта идиотки.

Мой друг, крепись, держись,
Пока мы вирусов названия перебираем,
Но все же главный в мире вирус – жизнь.
Ведь от нее мы стопроцентно умираем...

Зеленые леса и синие моря,
И небо протыкающие горы...
Красоты эти вспоминаю я
На пике яростной трамвайной ссоры.

Предметы очертания меняют,
В лесах дремучих синие огни,
Луна Земле кокетливо мигает,
Оттикивая Времена, века и дни.

Мой бюст не утвердил
Минюст.
А бюст без визы —
Разве бюст?

Человек – часть Вселенной и светоч ума,
И всегда нас Природа подправит,
Но в создании Божьем так много дерьма,
Что уже и Творец – не исправит.

Нырять в моря легкую лазурь,
Волне отдавшись, отключив обузы,
Ты все же не включай слепую дурь,
И помни об акулах и медузах.

Дурак всегда орет победно,
Дурак – особое Создателя творение.
Не спорьте с дураками, – это вредно
И для ума, и для пищеварения.

Когда мы были молодыми,
Пленил нас роком Хендрикс Джимми,
«Deer purple», «Slade» и «Nazareth».
Иные – живы, тех – уж нет,
Вдали аккорд последний тает...
Другие времена – другая музыка играет.

Когда мы Слуг Народа выбираем,
Честнейших видим Родины сынов.

Они манят народ грядущим Раем,
А после – оставляют без штанов.

Как много мыслей, нас томящих,
Нам преподносят стар и млад!
Не верьте людям, Рай сулящим.
Они мостят дорогу в Ад.

Играем в жизнь с азартом детворы,
И это хорошо. Одно обидно:
Где есть игра без правил – нет игры,
Да и Судьи, как ни крути, не видно...

Есть в медицинской маске шарм и класс,
И элемент немалый искушения,
Когда заходим в маске в банк, и нас
Так тянет крикнуть: «Это ограбление!».

Когда тебе не мил весь белый свет,
И выйти хочется из тягостной игры,
Лекарства от унынья лучше нет
«Вдовы Клико» и паюсной икры.

Наевшись гречки, грустно не смотри в окно,
Не плачь, что погулять не выпускают.
Нам знать о правде правду не дано,
А между нами, и Начальники ее не знают.

Сквозь узкое игольное ушко
С трудом пролезет, говорят, верблюды.
Но что верблюды! Сквозь ушко легко
Пролазят блюдолиз и лизоблюды.

Троянский конь пускай троянцев бесит,
Но мы учли уроки старины:
Прогресс пришел – по городам и весям
Коней троянских бродят табуны.

На себе почувствовав вожжи,
Дань отдав карантинным суткам,
Вдруг узнаем когда-нибудь, позже,
Что история с вирусом – шутка...

Когда тебя в цене и званьи обошли,
Ты не устраивай истерику и сцену,
Тебя, возможно, просто стареньким нашли,
Пробег всегда определяет цену.

Придет когда-то Рай на землю,

И волк овец не станет драть,
Я предсказаниям этим верю,
Но что же волки будут жрать?

Кто не курсе основ этикета —
Тычет даме в лицо букетом.
А знающий верные варианты
Тычет даме в лицо бриллиантом!

Нет в мире равновесия
Меж знанием и верой,
Боюсь я мракобесия,
Чреватого пещерой.

Дед мой на фото с орденом.
Нас он одобрит едва ли.
Они – сражались за Родину,
А мы ее – тупо просрали.

С нами что-то плохое случилось,
Нас терзают темные сны,
На умы и сердца навалилось
Виденье гражданской войны.

От дам всего мы можем ожидать:
Любви к картинам итальянца Сорди,
И редкого умения дать
Рукою Мастера – ногой по морде.

Ходить в намордниках давно нас приучили,
Вот-вот ошейник строгий из запасов старых вынут,
Мы на Хозяина не лаем – отучили,
И поводок коротенький щекочет нежно спину.

В философических тенетах
Есть смысл и тайная примета,
Здесь ум, придумавший все это,
И глупость, дочь вопросов без ответов.

Нет в жизни красоты небесной,
И то не так, и это всё – не очень,
А если говорить совсем уж честно,
И день стать может непроглядной ночью.

Я не люблю фанатов жизни пресной,
Казенных писем и счетов от слуг народа,
Мне это всё совсем не интересно,
И все неинтересней год от года.

Мне говорили, мир – прекрасное творение,
Мол, вечно будет он, и вечно будет так.
Увы, мир – только атомов столпотворенье,
Хаос, преобразованный в бардак.

Если б надо было Богу,
Он давно поддал бы нам,
Стёр мечеть и синагогу,
Церковь и буддийский храм,
Но Создателя дорога
Не сулит нам лед и пламя.
Повезло, ей-Богу, с Богом!
А Ему – не очень с нами...

Происшествий стало мало.
Разве пролетит ворона...
Все обрыдло, все достало,
Fucking shit тебе, корона!

Если долго идти по дороге,
Ты, конечно, куда-то придешь.
Береги только душу и ноги,
Потеряешь – уже не найдешь.

Сейчас бы Тарантино
Снимать свои ужастики:
На улицах пустынно,
И зомби налицо.

Я видел разных атаманов,
Брутальных, и фанатов пудры,
Зануд, тупиц, эротоманов,
Не видел только атаманов – мудрых.

Не печалься, что бледен ты кожей,
Что гуляешь с собачкой только,
Все проходит. И это тоже
Пролетит. Если выдержишь столько.

Когда бы раньше нам сказали,
Что по квартирам похоронят нас живьем,
Мы в бред такой поверили б едва ли,
Сегодня же в таком бреду – живем.

Нас утро встречает скандалом,
Соседку соседи залили,
Великий могучий недаром
Мы в школе когда-то учили,
Тут много словес интересных,

И тут от тоски не уснуть,
Но я не скажу, если честно,
Откуда тут слово «подвзбнуть».
Набито согласными слово,
Чухонский какой-то расклад,
А впрочем, и что ж тут такого?
Подумаешь, буковок склад!
Здесь и гласных полно, – «молоко», «долото»,
Да и с матом жизнь как-то полнее...
Я русский бы выучил только за то,
Что китайский – намного труднее.

Мы виды разные видали
При нашей жизни боевой,
И ты забудешь их едва ли,
Пока сопишь, пока живой.

Не шутите с Властью, люди,
Суд да дело, дело – суд,
Вам на серебряном на блюде
Амнистию не поднесут.

Я молод был. Какой пустяк.
Я глупым был – и верил всем.
Но даже если все и так,
Хочу обратно! Насовсем!

Говорят, Билл Гейтс задумал
Всех чипировать людей.
Но подумал – и раздумал.
Вот же добренький, злодей!

Пройдут года, настанет день,
Когда узнаем, что почем,
И кто навел тень на плетень, —
Даст Бог, получит кирпичом
По хитроглазой по головке,
По хитроумному по заду,
И, отдохнувши до упаду,
Припомним все лихому гаду!

Чудеса творятся быстро,
Что отличает их от дел:
Даже сам премьер-министр
Вдруг «короной» заболел!

Куда тебя несет, мой друг?
Не попади в реляцию,
Как пойманный с поличным вдруг

Враг самоизоляции.

Мне не надо укольчика лития,
И таблеток мудреных не надо,
Я пишу всегда по наитию,
Как дурак палит из засады.
Не всегда попадаю, конечно,
Ну, случается, сбитый прицел,
Но пишу я легко и беспечно,
Может быть, потому я и цел.

Когда-нибудь мы выйдем на свободу,
И будем страшно рады, принимая
Глоток сивухи – за святую воду,
И Дьявола за Бога принимая.

Мы по жизни уверенно скачем,
Всяк уверен, – уж он-то не туп!
Но выходит все как-то иначе:
Прискакал, – а ты уже труп...

Нас видимо-невидимо,
Но глас все глуше, глуше
Невидимо-навидимых.
Спасите наши души!

Не влезай в картину Мироздания,
Не смей ты Бога сгоряча,
Видим мы всего один кирпичик здания,
Бог же видит каждый атом кирпича.

Бессмертно человеческое племя,
Но люди смертны, так ведется.
Мы говорим – уходит время.
Уходим – мы. А время – остается.

Не надо бояться двуличного вора,
Не надо бояться дороги на гору,
И, невзирая на странности века,
Не надо бояться быть человеком.

Не терзайся, если чувствуешь вину,
Ты грехом уныния наказан.
Все равно, когда идешь ко дну,
Путь наверх тебе уже заказан.

Я не люблю ни войн, ни революций,
Ни подлецов, заведших с властью шашни,
Ни наспех слепленных нелепых конституций,

На все, что не люблю, – кладу с высокой башни!

Приходят борцы за свободу,
И каждый из них – герой!
Кафка глядел как в воду:
От героев – один геморрой.

Бог Каину списал убийство брата,
Мол, в этой жизни всякое случается,
Выходит, Аввель – не такая уж утрата,
А Каин – белый и пушистый, получается?

Я думал, это фонарь,
Волшебным покрытый узором,
Светит в мое окно игривым глазом кокетки.
А это всего лишь Луна
Морозит холодным взглядом,
Прикрытая тоненькой, но пушистой веткой.

Читая чужие мысли пересыпанные красотами,
Понимаешь, что люди просто кричат: «Я – тут!».
А их пинают словами, и числят идиотами,
И они опять уйти в свою скорлупу предпочтут.

Мне бы сильно простудиться!
Выпью колы замороженной!
Чтобы водкою лечиться,
Мог я смело, как положено!

Все на свете пар и дым,
Но при всей при лени,
Был бы вечно молодым,
Как товарищ Ленин!

Мне не надо гор златых,
Пусть я буду нищим,
Мне бы девок молодых,
Да морей винища!

Мне говорят, главное – нация,
Спорят, чей древнее век,
А по мне, в любой ситуации
Главное – какой ты человек.

Я не был в школе триста лет,
Приятней школы в мире нет,
Тут нет гнетущей тишины,
И нет ни тещи, ни жены.

В прошлом нет отрицания,
В прошлом всё – воочию,
Прошрое – восклицание,
Будущее – многоточие...

Мы рвем сердца и надрываем жилы,
Куда-то лезем вон из кожи и без мыла,
Пока старуха-Смерть не подкосила.
Со стороны все это даже мило.
Бессилие – сломавшаяся сила.

Страшно не в пропасть упасть бездонную,
Страшно не под машину попасть,
Страшно – жизнь прожить никчемную,
И в сером болоте скуки пропасть.

Нас жизнь давно на верный путь направила,
Но оттого выходят злключения,
Что для других мы составляем правила,
А для себя, любимых, – исключения.

У каждого свой Храм, своя Дорога,
И каждому свои открыты Двери.
Беда не в том, что ты не веришь в Бога.
Беда – когда Он Сам в Себя не верит.

Я дамам безоглядно верю,
И правильно всегда их понимаю.
Когда они хотят – зверею,
Когда они звереют – обнимаю.

Не пыжься ты при виде милых дам,
И не бодайся, как изюбрь на охоте.
Быка же узнают не по рогам,
А по его практической работе.

Удача и успех – удел немногих,
Они за это платят полной мерой,
Ломая в гонке головы и ноги,
Прощаясь навсегда с душой и верой.

Нам Бог грехов немало отпускает,
Но Он же Занавес за нами опускает.
В жизни много всяких развлечений,
Развлекаться до безумья каждый рад,
А финиш всевозможных увлечений —
Лишь телевизор и картофельный салат.

Мои друзья, я вам пишу,

Всё то, что Дьявол или Бог мне нашептал,
И жду суда, едва дышу,
Как никогда и ничего не ждал.

Я вирус уважаю за нетривиальность,
Он как-то незаметно подобрался,
Твердят, что будет Новая Реальность,
А я и в старой до конца не разобрался.

У Невидимки жизнь весёлая едва ли,
И вряд ли благодарен он судьбе,
Что есть другая сторона медали, —
Он может всякое услышать о себе.

На свете этом появляясь,
Живём мы по законам фальши,
А жизнь, злорадно ухмыляясь,
Уже без нас уходит дальше.

Невежество как лёд не тает,
Невежда глупостью гордится,
И тех с апломбом поучает,
Кому в подметки не годится.

Не учите жить живущих,
Сами знают, кто на ком,
Разбирающийся в сущем,
Разберется с дураком.

Иного человека встретишь
Он всем хорош, поёт неплохо,
И сразу даже не заметишь,
Что он – изряднейший пройдоха.

Канарейка в небе реет,
Песни милые поёт,
Но рассердишь – озверееет,
Плюнет, клюнет, – и сожрёт!

Эх, хорошо бы кончилось всё кабы!
Чтоб – отпуск, море и в бикини бабы!

К жарким пляжам мне в этом году не слетать,
Не плескаться в лазурных мне водах,
Буду в ванне торчать, и о море мечтать,
И о белых больших пароходах...

Я видел столько идиотов,
Что, если б ими торговал,

Я выставлял бы их на лоты,
В аренду б дураков сдавал,
Разбогател бы сразу страшно,
На яхту б сел – и был таков.
Пока же мне без денег ясно,
Как плохо жить без дураков.

Я борщ закушал шашлыком,
Запив горилку чачей,
Как хорошо быть кунаком,
Или сябром – тем паче.

Люди стали злые, как собаки,
Впрочем, пёсиков не стану хаять.
Так, как люди, ни одна собака
Не способна ближнего облаять.

Мой друг, ты врубишься однажды
В одну весьма простую вещь:
Не пей, когда тебя не мучит жажда,
Нет голода, – какого чёрта ешь?

Мне говорят о крови и о нации,
И спорят, чей древнее век,
А по мне, в любой ситуации
Главное – какой ты человек.

Это что же такое, товарищи,
Когда любой дурак желающий,
На окружающих нахально лающий,
Становится Всеобщим Управляющим!

С гневом бой всегда проигран.
Гнев хорош, когда наигран.

Как было хорошо, как было весело,
Когда мы были молоды, и куролесили,
Полны щенячьим были мы восторгом,
Вбегая в миг между рождением и моргом.

Не жди, когда и ждать уже не надо,
Не верь всем новостям и лживым сводкам,
Не заменяй безвкусным лимонадом
Пусть горькую, но искреннюю водку.

Когда пред юностью открыты сто дорог,
Не каждый верный путь себе находит,
Наивность юности – простительный порок,
Тем более, он с возрастом – проходит.

Кошка – зверь невероятный,
Наглый, но зато – приятный.

О голубом я говорить не перестану,
Ведь тема – голубе тем любых:
К чему на наших голубых экранах
Торчит так много типов голубых?

Компьютер пьяный с НЛО подрался,
Открыл Америку профессор-печенег,
Вчерашний день с заката начинался,
И падал в небо прошлогодний снег...

Кому-то это кажется абсурдом,
Но мы живём в абсурде весь свой век,
И сединою припорошенный, как пудрой,
К Концу шагает бодро человек...

У каждого – свой Храм, своя Дорога,
И каждому свои открыты Двери,
Беда не в том, что ты не веришь в Бога,
Беда – когда Он Сам в Себя не верит.

Дело плохо – не ворчи,
И в досаде не кричи,
И на Бога не рычи,
Сядь. Подумай. Помолчи.

Криком горю не поможешь,
Но попробуй, если сможешь...

Мне не надо счета в банке,
И карьеры высшей планки,
Даже скатерть-самобранка
Не заменит мне полянку,
На которой спозаранку
Скачет сойка-хулиганка
Балериной на пуантах
По росинкам-бриллиантам.

Когда тебя пинают-распинают,
Не плачь, не ной и не проси пощады,
Не по слезам людей запоминают,
Тем более, когда запоминать не надо.

Мы помним правила грамматики со школы,
Но жизнь – не школа, а такое приключение,
Где жгут сердца людские не глаголы,

А жгут сердца людей – определения.

Речей цветистых океаны
Нас захлестнули морем слов,
И ржут, как лошади, бараны,
Над словоблудием ослов.

Мы век живем как будто без сознания,
Мы – пассажиры в зале ожидания,
Где нас гнетёт унылое признание
Бесцельности и пустоты существования,
И каждый что искал – то не нашёл,
И поезд, кстати, неожиданно ушел...

Нам жизнь не может надоесть:
Нам надо пить, нам надо есть.

Не рви нервующую нить,
Не лезь туда, куда не просят,
Храни, что можешь сохранить,
Бросай всё то, что можешь бросить.

Всё было будто бы вчера,
Христос дорогой шёл ко Гробу,
Голгофа – вовсе не гора,
А до конца дойди, попробуй...

Мы из себя выходим, жизнь любя,
И с нами что угодно может стать,
Но если ты уже пришёл в себя,
Самим в себе не поленись остаться.

Я воду грел вчера с утра,
Сегодня грел ещё бодрее,
Коль завтра – лучше, чем вчера,
То послезавтра – всех согрею!

Не тяни на себя одеяло,
И чужого куска не лови.
В этом мире хорошего мало?
Ну и чёрт с ним! Живёшь – и живи.

У каждого – свой крест, своя забота,
Несём, кряхтим и плачем иногда,
И крайне редко встретишь идиота,
Счастливого во всём, везде, всегда.

Его с поста уволили с охотой,
И оценили так умение его:

Он делал вид, что делает работу,
На деле же не делал ничего.

Всё время скучно быть хорошим,
Плохим – порой опасно быть.
К примеру, пристающего к прохожим
Вполне возможно, могут и побить.

Часов и дней не замечая,
Себя во мгле не потеряй,
И, с жизнью в салочки играя,
На жизнь с собою не играй.

Не ищи дороги в поле,
Где растёт чертополох,
Если сила есть и воля, —
Ты и так совсем неплох.

Спёр деньгу, за куш радея,
Прохиндей у прохиндея,
Полон всяческих идей
Настоящий прохиндей!

По пыльным путям мироздания
Не знаем, куда мы идём,
Какого Творца мы создания,
И что по дороге найдём,
Аукнется нам и откликнется
Космических взрывов привет,
И где-то другие создания
Живут. А быть может, и нет...

Кенгуру имеет сумку,
Бьёт ароматом тухлым скунс,
А я одну имею думку:
Каков, к примеру, вкус на вкус?

Ты духом не падай, коль всё очень плохо,
И радости жизни себя не лишай,
Без страха живи, без тоски и упрёка,
На Бога надейся, и сам не плошай.

Хочешь выглядеть умным – попробуй,
Но о супер-айкью не кричи,
И высоких материй не трогай.
Хочешь выглядеть умным – молчи.

Под Луной мы гуляем беспечно,
И мигают нам звёзды в ночи,

Но и звёзды с Луной – не вечны,
Хоть башкою о стену стучи.

Шныряя в закоулках мира,
Свободен будь, молвы не бойся,
Не создавай себе Кумира,
И в дальнем ближнего не ройся.

Есть в этой жизни и печаль, и радости,
Вино и дамы, сладость песен спетых,
Хотя, конечно, в них бывают гадости,
Но реже, чем в других предметах.

Когда общественный тебя коробит вкус,
И жизнь по-новому никак не сложится,
Не плачь, не ной, не жалуйся, не трусь,
И будь самим собой. А жизнь – приложится.

Я не люблю красную коммунизма,
И голубую супер-элегантность,
Плевать хотел на всяческие «измы»,
А заодно плюю – на толерантность.

В безмолвных далях поднебесья
Я с дамами предельно честен.
Без женщин мир убог и пресен,
И, как еда без соли – пресен.

Активу бурная работа
Сегодня предстоит.
Перед задором идиота
Ничто не устоит!

Нам что-то объясняют нудно,
И скучно так, – хоть свет туши...
Слезу-то вышибить нетрудно,
А ты попробуй, – рассмеши!

Я польку танцевал когда-то,
Теперь индус её целует.
Так повелось, увы, ребята:
Кто польке платит – польку и танцует.

Когда на небе тучи чёрные,
А на душе скребутся кошки,
Сто грамм для настроенья дёрну я,
И всё. И снова – свет в окошке.

Если взяли тебя в оборот

Голод, холод, болезнь и нужда,
Не копайся в проблемах, как крот,
Их хватает у всех и всегда.

Хотим мы выше ближнего взлететь,
И я спрошу без лишних политесов:
Раз зависть заставляет нас хотеть, —
Выходит, зависть – двигатель прогресса?

Проходит лето.
Дождь идёт.
Пройдёт и это.
Всё пройдёт.

Мне говорят: курить опасно, вредно пить,
Ещё вреднее – мясо кушать часто...
К чем ж тогда мне небеса коптить?
Чтоб помереть здоровым и несчастным?

Не знаю, где, не знаю, как,
Но в курсе даже чайник:
Я на людей как на макак
Смотрю. Ведь я – Начальник!

Хаоса звёзды не приемлют,
И мать-Природа не ленится,
Луна не падает на Землю,
И Волга к Каспию стремится,
Порядок полный – на Памире,
И в звёздном пыльном далеке,
И все в порядке в этом мире,
И только люди – в бардаке...

Война полов тысячелетья продолжается,
Ожесточённой битвы не найти,
Где джентльмены с дамами сражаются
За то, чтоб вместе к алтарю пойти...

Любовь к напиткам горячительным
Не редкость. И давно она уже
Воздействует сугубо огорчительно
На императоров, генсеков и бомжей.

В прах обращаются кумиры,
И слава многих – позади...
Неужто всё невечно в мире,
Где вечных истин – пруд пруди?!

К войне приводят нас кумиры,

И тут никто не виноват:
Война всегда чревата миром,
А мир – всегда войной чреват.

Гнев советует – кричать,
Страх советует – молчать,
Боженька – велит прощать,
Власть велит – не верещать.

Печень плакала навзрыд,
Мол, он пьёт, она – болит,
Так всегда: кому-то кайф,
А кому – хреновый лайф.

Учение – свет, и в нём большая сила,
Но что наука – рядом с Сотворением,
Когда неграмотная мушка дрозофила
Летать умеет лихо от рождения?

Сулили счастье куккабары,
Орали сямки: «Когти рви!»,
И пили мяку туки в баре,
Не опасаясь ОРВИ.

За мзду всё сделает охотно,
А за бесплатно – ничего,
И вкусно жрёт, и очень плотно.
Скажите, как зовут его?

Я мыслью поражён благою:
Чтоб в этой жизни зря не мучиться,
Не надо зад чесать ногою,
Тогда и путное – получится.

Недавно написав стишок,
Я мыслью был сражён другою,
И испытал культурный шок:
Нормально зад чесать – ногою!

По жизни ходим осторожно,
Чтоб бед и горя не зазвать.
Прожить так очень долго можно,
Но жизнью это не назвать.

Подбегая к стадиону,
Встретил Зину и Юнону,
Положил я их в корзинку,
Юню сверху, снизу – Зинку.
Уберу их из корзины.

Пусть идут себе девчонки.
Мне Юноны, как и Зины,
Пробуравили печёнки.

Сколько их, мастеров воздержания,
Заплутавших в святой простоте!
Не ищи в пустоте содержания,
Да и с формой напярк в пустоте.

Порой не нахожу я слов.
Вот математиком бы стать:
Пересчитал бы всех ослов,
Которых не пересчитать.

Хотел отдать долги я чести,
Но кредитора не понравилась мне морда.
Вот так всегда на этом самом месте...
Пожалуй, удалюсь я гордо.

Вот солнце светит – красота!
И размножаться хочется до колик.
Но это чушь, конечно, пустота.
И всё же очень жаль, что я – не кролик.

Истории забавные случаются.
Когда ни встать, ни лечь, ни сесть.
Вот этот – идиотом притворяется,
А этот – идиот и есть...

Ты раб усердия своего,
Старания твои странны.
Когда не нужно ничего, —
К чему усилия нужны?

Не дай мне Бог лишиться друга,
Вдовцом остаться безутешным,
Бесцельно двигаться по кругу,
И идиотом слыть безгрешным.

Очень слышать мне странно
Язык иностранный,
Внимать внимаю,
А не понимаю...

Бежать от себя удобно:
Можно догнать, коль угодно.
А если будешь в загоне, —
Легко уйдёшь от погони.

Когда тебе не до себя,
Не думай плохо о себе,
И, в шторме к берегу гребя,
Не спорь с судьбою о судьбе.

Куришь, конечно, страшно вредно,
Ещё вреднее – есть и пить.
Но я прожил вполне безбедно,
И как-то продолжаю жить.

По книгам и газетам рыщет,
И не отступит, не уйдёт,
Пока вражину не отыщет,
И, без сомнения, найдёт.

Его удел – ворчать и плакать,
Он свирепеет с каждым днём,
Способен всё и всех обкакать.
Уж очень много кала в нём.

Не проси у Судьбы снисхожденья,
И подарков от Бога не жди.
Жизнь – прекрасный набор сновидений.
Спи. Проснёшься ещё, подожди.

Я молод был, и быстр, и лих,
И в жизни видел я немало,
Но есть такие люди – в них
Полно цианистого кала.

Когда-то Бог нас с этой жизнью свёл,
И спас людей от мора и цунами,
Но стоит мне увидеть муравьев и пчёл,
Мне кажется, что Бог ошибся с нами.

Борьба за равноправие в судьбе
Натуру женскую в муку перемолола,
И дама, победившая в борьбе,
Куда опаснее супруги богомола.

Когда тебе невесело и страшно,
Не бейся в панике, налей себе вина,
Сойдись с судьбой-злодейкой в рукопашной,
И выдай пенделей проказнице сполна.

Молчи, пока тебя не спросят,
Придя к себе, не уходи,
Не приноси, что не уносят,
Что потерял – не находи.

Играй с собой в одну игру:
Копи зелёную «капусту».
Даст Бог, ты не сгоришь в Аду,
Хотя, и в Рай тебя не пустят.

На дней не ропщи череду,
Не сыпь на рану свежим дустом,
Даст Бог, ты не сгоришь в Аду,
Когда в Эдем тебя не пустят.

Не благодарны мы судьбе,
И часто не по делу злы,
Других мы судим по себе,
И говорим: «Они – козлы!».

Не верь, когда тебя похвалят,
Не плачь, что слаб ты и ничтожен,
Держись – тогда тебя не свалят,
И страх твой будет уничтожен.

Не плачь, что трудно жить безгрешно,
Не думай о коварстве мига,
Пусть жизнь – не фейхоа, и не черешня,
Но всё ж порой она вкусна, как фига.

Историки знают тайну одну,
И правило помнят железно:
Чтоб мир не пошёл к чертям ко дну,
О Прошлом помнить полезно.

Метёт нас жизни вещей веник,
И судьбы гаснут, как огни,
Желаем мы любви и денег,
Но не желают нас они...

Земных мгновений нам не хватит,
Чтоб неохватное схватить,
Но каждый жизнь на это тратит,
И жизнью вынужден платить.

Где отыскать свои потери?
В каком неведомо краю?
Потерян ключ к закрытой двери,
И нет спасения в Раю.

Политкорректные, не поднимайте пыли,
Для нас не кличка «негр» – раса, горе мыкать,
Не мы их на плантациях гноили,

Не вам политкорректностью в нас тыкать.

Я видел целого барана,
Не освежёванного, в шкуре,
Он блял что-то про тирана,
Пока не оказался в МУРе.

Ещё недавно мы на красный
Перебегали все пути,
И это было так ужасно,
Что и ужасней не найти.

Что-то давно не были
О вреде коронной заразы,
О ней мгновенно забыли,
Как по команде – все сразу...

Уже и далёкое ретро —
На острых критических шпагах.
Но «Унесённые ветром»
Останутся в песнях и сагах.

Как много в людях всяческих деталей,
И всякой всячины намешано немало,
В иных – цианистый найдётся калий,
В других – полно цианистого кала.

Как много в этом мире персоналий,
В них всякой всячины намешано немало,
В иных – цианистый найдётся калий,
В других – полно цианистого кала.

Если к хорошей фигуре
Добавить ещё и ума,
То и с набитою дуррой
Неплохо валяться весьма.

Не плачь, что жизнь прошла почти,
Что спать не можешь до рассвета,
Ты Книгу Судеб перечти,
И убедись: пройдёт и это.

Молчишь, потупив скромное лицо,
И обделённым чувствовать себя большее,
Забыл ты: смазку получает колесо,
Которое скрипит сильнее.

Мы проиграть хотим едва ли
Турнир словесных эскапад,

Но чтоб тебя не оплевали,
Не брызгай слюной невпопад.

Народ свободой, как товаром дорожит,
И это хорошо. Одно обидно:
Коль без движения товар лежит,
Тогда и прибыли не видно.

Как страшен жизненный момент,
Когда она – уже готова,
А твой последний аргумент —
Уже не действие, а слово...

Когда-то мы героям славу пели,
Теперь поём – всем на руку нечистым,
Но средство не оправдывает цели,
Когда в прицеле – цели аферистов.

Был Леонардо краснобаем,
И знатным, говорят, подлизой,
Но мы грехи ему прощаем
За то, что создал Мону Лизу.

Чтоб знаний тайных зуд унять,
Нам надо с мыслями собраться,
Чтоб непонятное понять —
С понятным надо разобраться.

Огонь увидишь, огня не трожь,
Судьбу не дразни – отомстит она,
И ночь продерёт предрассветная дрожь,
Как крик отчаяния Джима Морриссона.

Мир твоих фантазий перезрел,
И для всех твоя закрыта дверь,
Ничего, что поздно ты прозрел,
Главное – что видишь ты теперь.

Грехи не красят человека,
И сам я грешных не любил,
Но, по примеру древних греков,
На все погрешности забил.

Когда нам нечего жевать,
И нет былой беспечной силы,
Не стоит так переживать,
В Ничто и не такое уносило.

В соцветьи жизненных укладов

Особняком – российская традиция:
Дразнить начальников не надо,
А также женщин и полицию.

Не лезь в рискованные игры
С властями, дамами, судьбой,
Не стоит прыгать перед тигром,
Чтоб он позавтракал тобой.

С материнским впитай молоком,
Ошибёшься, мой друг, едва ли:
Не стучи по столу кулаком,
Чтоб к столу тебя не подали.

Мы защищаем честь свою,
Чтоб доказать, что мы мужчины,
Нет упоения в бою,
Когда для боя нет причины.

Мне не надо медали,
Орденів мне не надо,
Мне бы пенсию дали,
Да в размере оклада.

Ложась в постель с чужой женою,
Смотри на дело веселей,
Не вспоминай в любовном зное,
Что кто-то может лечь – с твоей.

В непроходимых дебрях жизни
Выискивая верный путь,
Мы в верности своей Отчизне
Клянёмся. Но не в этом суть.
Когда Отчизна забывает, —
Такие, значит, пироги, —
Она как данность принимает:
Мы ей не дети, а враги...

Закат на небе пламенея,
Нас награждает мыслями простыми:
Когда мы тщимся выглядеть умнее,
Мы выглядим совсем тупыми.

У всех всегда различны вкусы,
У всех всегда различны тосты.
За храбрость пьют усердно трусы,
О честности твердят – прохвосты.

Мы, в жизнь весёлую включаясь,

Не устаём судьбе молиться,
Но нет того, что не случилось,
И нет того, что не случится.

Когда на жизненной дороге
Мы не находим ничего,
Обидно: хочется не много,
Но чаще хочется – всего!

Невечны все, всё канет в Лету,
Всё потеряем, что найдём,
Мы – гости на планете этой,
В гостях побудем – и уйдём.

Гуляя в жизненных пределах,
Мы делу уделяем час,
А если нет до дела дела, —
И делу дела нет до нас.

Чтоб эту жизнь прожить безбедно,
Не суетись, и не спеши,
Спешить накладно, да и вредно,
Для ног, карьеры и души.

Осень с листопадами не скоро,
Дворники ещё не знают горя,
Лето. Солнце. Тёплый милый город.
Жаль вот только – далеко от моря.

Кенгуру – загадочная штука,
Прыгает за кормом поутру,
И теряется серьёзная наука
Перед тайной сумки кенгуру.

Будем к Злу внимательней немножко,
Рассуждения абстрактные отставим,
Зло всегда поставит нам подножку,
Если мы ему подножку не поставим.

Хочешь долго жить —
Пути не укорачивай,
Хочешь правым быть —
Налево не сворачивай.

Не напрягайся понапрасну,
Начальство, брат, не небо ясное,
Дружить с начальником опасно,
А не дружить – ещё опаснее.

Как жить прожить и сытно, и безбедно,
И перед свиньями чтоб бисер не метать?
Ты согласишься, мон шер, мечтать не вредно,
А также согласишься, что вредно – не мечтать.

В соцветьи праздников и серых буден
Не разобраться до конца
В причине, по которой злые люди
Всегда плохой имеют цвет лица.

Потеряшка-потеряйка
Всё теряет, не находит,
И поди-ка, угадай-ка,
Как такое происходит,
Что теряет потеряшка
Всё, и в песенке выводит,
Вроде автора-дурашки,
Всё, что в голову приходит.

Кролик Петя ел капусту,
Волк Серёжа Петю съел,
А охотник дядя Коля
Свёл Серёжу на расстрел,
Так устроено в природе,
Есть огонь, а есть и лёд,
Звери, рыбки и народы —
Все едят, что Бог пошлёт.

Лайка скушала хозяйку,
Нажралась хозяйки лайка,
Чтоб не плакала хозяйка,
Ей стихи рычала лайка.
Кто-то скажет: «Ах ты, Боже!
Да на что ж это похоже?!»,
Ни на что, мои друзья,
Подурачиться нельзя?

Иди по солнечной дороге,
В башке – мечта, в руке – дырявая сума,
Иди. Но и смотри под ноги,
Чтоб не сойти с дороги и с ума.

Стоят, на морозе немеют
Берёзы. А люди проходят.
Деревья ходить не умеют.
Деревья – тихо уходят...

Я песни любил, и стихи я любил,
И нишу в писаниях занял,

Но цензор суровый писать запретил,
И сразу, пардонте-с, – забанил.
И понял я – в этом и нет ничего,
Что стал я цензуры уловом,
Цензор, конечно, хорош, и его
Забота – свободное слово!
Но я не в обиде – по делу и честь,
Меня, господа, не убудет.
Славлю цензуру, которая есть,
И трижды – которая будет!

А есть на свете жизнь благая,
Где много хлеба и стихов,
Не хвалят где, и не ругают,
И нет ни мух, ни дураков?

Провал всегда нам неприятен,
И злая черная молва.
А впрочем, что грустить, приятель,
Когда и сам ты – не халва?

Когда встречается тебе дурак
С набором глупостей под тонкой черепушкой,
Не снисходи до пошлых драк, —
И дурень может оказаться душкой.

Рвётся наружу восторг из нутра:
Хороша Камасутра,
Как Кама с утра!

Возьму гармонии немного,
Плесну на вдохновение,
И мыслью, тихой недотрогой,
Остановлю мгновение.

К чему вода речей научных?
Нам крыльев Бог не хочет дать.
Жить на Земле довольно скучно,
Когда так хочется летать.

Очень хочется раздеться,
Но раздетых – не раздеть.
Очень хочется хотеться,
Чтоб хотелось не хотеть.

Если буря тебе по нраву
С бурей спорь, бурь у нас – несметно!
Зарабатывай орден и славу,
И желательно – не посмертно.

Прошное и будущее зримы,
Острые заточено атак.
Гений и злодейство – совместимы,
Но – не совмещаются никак.

Ты когда уходишь в дорогу,
Не бери с собой ничего,
Не проси о помощи Бога,
Много нас таких у Него...

Кто симпатичней нам – дающий иль просящий?
Попробуй-ка, ответь наверняка.
Нам дурень мил, под гения косящий,
Или милее гений под личиной дурака?

Мы Бога дети и клиенты,
Ему мы верим одному,
Мы все другу другу конкуренты,
Но жрать друг друга ни к чему.

Советы эти не новы,
И вызывают умиление:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.